

Научная статья

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАСПОЗНАВАНИЯ И РЕАГИРОВАНИЯ НА
ДЕСТРУКТИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, НАПРАВЛЕННУЮ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ

Анатолий Степанович Турчин¹, Никита Валерьевич Вахрушев²

^{1, 2} Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

² vahrushevvn@rosgvard.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационно-психологической безопасности в контексте образовательной подготовки будущих офицеров Росгвардии. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на военнослужащих и членов их семей приобретает массовый характер, что требует специальной подготовки в плане распознавания угроз и оперативного реагирования. В эмпирической части исследования показано наличие взаимосвязи общего уровня подготовки и психологической устойчивости к информационно-психологическим угрозам у будущих офицеров Росгвардии. Обнаружена также взаимосвязь способности к распознаванию угроз с такими личностными чертами, как устойчивость к манипуляциям, склонность к компромиссам, уровень интеллекта, а также эмоциональное состояние и степень самоконтроля.

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, манипуляция, психологическое воздействие, психологическая устойчивость

Для цитирования: Турчин А.С., Вахрушев Н.В. Психологические возможности распознавания и реагирования на деструктивную информацию, направленную на военнослужащих Росгвардии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 89–101. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2026/03/010.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

PSYCHOLOGICAL POSSIBILITIES OF RECOGNIZING AND RESPONDING TO DESTRUCTIVE INFORMATION
DIRECTED AT ROSGVARDIYA MILITARY PERSONNEL

Anatoly S. Turchin¹, Nikita V. Vahrushev²

^{1, 2} Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ ast55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7973-2017>

² vahrushevvn@rosgvard.ru

Abstract. The article discusses the problem of information and psychological security in the context of the educational training of future officers of the National Guard. Destructive information and psychological influence on military personnel and their families is becoming widespread, which requires special training in recognizing threats and responding to them promptly. The empirical part of the study shows that there is a correlation between the overall level of training and psychological resilience to information and psychological threats among future officers of the National Guard. The ability to recognize threats has also been found to be related to personality traits such as resistance to manipulation, willingness to compromise, intelligence, emotional state, and self-control.

Keywords: information and psychological security, manipulation, psychological influence, and psychological stability

For citation: Turchin A.S., Vahrushev N.V. Psychological possibilities of recognizing and responding to destructive information directed at Rosgvardiya military personnel. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;1(34): 89–101. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2026/03/010.pdf>.

© Турчин А.С., Вахрушев Н.В., 2026

Введение

Проблема формирования психологического отношения к информационной безопасности в среде военнослужащих является многоуровневой, одновременно затрагивая технические, правовые и психолого-педагогические аспекты служебной деятельности [13, 14, 15, 19, 20]. Рассмотрение факторов, определяющих ответственное отношение к информационной безопасности у военнослужащих, обучающихся в военных образовательных организациях высшего образования (далее – ВООВО), показало, что успешное формирование соответствующей организационной культуры возможно лишь при интеграции трёх уровней воздействия: личностного (развитие индивидуальных компетенций и мотивации), социально-группового (сплочённость подразделения, лидерская позиция командиров, социальные нормы) и организационно-управленческого (чёткость регламентов, система контроля, обучение, стимулирование), поскольку изолированное воздействие на один из уровней не даёт достаточно устойчивого результата. Цель статьи состоит в выяснении связей личностных особенностей курсантов с их возможностями в противостоянии деструктивному информационно-психологическому влиянию.

Теоретическая часть

Информационная безопасность в широком смысле может определяться как способность государства и его институтов защищать все сферы общественной жизни и психику граждан от деструктивного информационного воздействия [5, 6, 7, 18, 22]. В военной среде это понятие конкретизируется с учетом специфического содержания служебной деятельности и особенностями коммуникационных процессов в воинских коллективах. Применительно к войскам национальной гвардии Российской Федерации она может быть определена как состояние, характеризующее с учетом степени защищённости их ключевых функций и операционных процессов от опасных информационных воздействий. Информационная безопасность личности военнослужащего имеет собственный ракурс: она означает защищённость его психики и сознания от манипуляций, дезинформации, психологического давления и иных форм информационно-психологического воздействия, способных подорвать боеспособность и морально-волевую настрой [3, 8, 10, 11, 12].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации подчёркивается, что обеспечение информационной безопасности служит защите конституци-

онных прав граждан и укреплению суверенитета государства, поддержанию его обороноспособности. В военном контексте это приобретает первостепенное значение, выступая не просто техническим или организационным вопросом, а комплексной задачей, включающей правовые, технологические и психолого-педагогические аспекты.

В научной литературе проблема информационно-психологической безопасности исследуется достаточно активно. Так, создатель эпигенетического направления в психологии Э. Эриксон показал, что в условиях идентификационного кризиса (который может быть спровоцирован информационным давлением, конфликтом ценностей и подрывом авторитета институтов) личность становится крайне уязвимой для манипулятивных идеологий [24]. Обеспечение информационной безопасности должно распространяться на психологическую поддержку процесса идентификации с профессиональной ролью и создание условий для позитивного разрешения идентификационного кризиса.

В последние годы особое внимание уделяется психологическим последствиям цифровой уязвимости. Так, киберпсихолог Мэри Айкен предупреждает, что постоянное присутствие, страх утечки информации и давление следа приводят к повышению уровня тревожности, расстройствам саморегуляции и эмоциональному выгоранию человека [23]. Информационная безопасность – это не просто защита информации о себе, но и сохранение психологического здоровья в условиях цифровой перегрузки.

В отечественной психологии существует позиция, согласно которой информационная безопасность личности не может рассматриваться в отрыве от широкого контекста жизненной стратегии, ценности и самоотношения. В частности, К. А. Абульханова-Славская в своей концепции «стратегии жизни» подчеркивает, что устойчивость личности в меняющемся мире определяется не только реактивной защитой, но и активным проектированием собственного жизненного пути, включая осознанный выбор информационных сред и источников [1]. Следовательно, информационная безопасность выступает как выражение жизненной стратегии, ориентированный на целостность, автономию и нравственную ответственность.

Одним из первых в научный оборот понятие информационной безопасности персональных данных ввел В. А. Баранов, определив ее как состояние защищённости информационных интересов субъекта,

обеспечивающее реализацию конституционных прав и свобод в информационном обществе. Под «информационными интересами» понимается право на получение достоверной информации и интерес к её самоопределению, автономному выбору содержания, форматов взаимодействия и степени открытости в цифровом пространстве [2]. Центральное место в формировании устойчивости к внешним воздействиям принадлежит системе ценностей, служащих фильтром при восприятии и оценке информации [16]. В условиях информационного перенасыщения именно ценности определяют различие информации значимой и деструктивной [17]. Для будущих офицеров особенно важны такие ценности, как патриотизм, долг, честь и служебная преданность, которые формируют нравственный барьер на пути дезинформации и антигосударственной пропаганды [18, 21].

Анализ трудов современных отечественных учёных позволяет заключить, что информационная безопасность личности – это целостное, многоуровневое образование, охватывающее правовые, технологические, поведенческие и, в особенности, психологические аспекты [4, 6]. В контексте подготовки будущих психологов войск Росгвардии данная категория выступает не только как условие личностной устойчивости, но и как профессиональная компетенция, обеспечивающая способность будущего специалиста к защите не только собственной, но и коллективной информационно-психологической целостности личного состава подразделений [20]. В то же время нельзя упускать из виду такое важное методологическое положение, как генетический подход в психологии, связываемым с именем Л. С. Выготского. Это означает, что ни одно важное психологическое образование не может быть адекватно интерпретировано без учета всей его предыстории. Следовательно, применительно к проблематике информационно-психологической безопасности военнослужащих Росгвардии, целесообразным является обращение к такому важному этапу профессионального самоопределения личности, как период обучения в ВООВО.

Эмпирическое исследование, выполненное под нашим руководством, было направлено на отработку практических решений, которые помогут защитить военнослужащих от негативного влияния деструктивной информации и поддержат их психологическое здоровье. В этой связи определены следующие задачи:

- 1) поиск вариантов практических решений, которые в перспективе помогут защитить военнослужащих от негативного влияния деструктивной информации и поддержат их психологическое здоровье;
- 2) проведение психодиагностического исследования;
- 3) определение «группы риска» в плане психологической устойчивости к негативным воздействиям могли оказаться в тесной корреляционной связи с показателями устойчивости к манипуляции, фиксируемые при помощи авторских опросников. Последнее воспринималось как предмет профессионально-значимого направления деятельности офицера-психолога в первоначальный период прохождения службы.

Обработка данных, полученных в ходе проведения исследования, состояла из последовательного анализа качественных и количественных показателей.

Исследование психологических особенностей личности военнослужащих проводилось при помощи опросника на устойчивость к манипуляциям; анкета посвящена вопросам информационной безопасности, а также для выяснения низкого уровня устойчивости к манипуляциям использовался 16-факторный опросник Кеттелла (PF-16).

Полученные результаты представлены в таблице. В ходе первичной обработки данных были рассчитаны стандартизированные оценки, на основании которых были определены психологические особенности, а также влияние деструктивной информации на курсантов ВООВО.

На момент начала эмпирической части работы исследовательские задачи находились в следующей иерархии:

1. Выяснение распространения испытуемых по уровню устойчивости к манипуляции.
2. Диагностика личностных черт курсантов на основе теста PF-16.
3. Прослеживание корреляционных связей на основе показателей трех групп, выделенных по степени устойчивости манипуляции с данными полученными на основе теста Кеттелла.
4. Выявление группы риска среди испытуемых и проверка наличия в ее результатах корреляционных связей по личностным характеристикам.

В силу объективных условий внимание сконцентрировано на тех испытуемых, кто уже сейчас по долгу службы призван профессионально противостоять агрессивному психологическому воздействию. В

этой связи в их отношении был реализована программа диагностики, включающая применение опросников, разработанных в Военной академии войск национальной гвардии (В. И. Малюта, А. С. Турчин, 2025 г.), и теста Кеттела.

Для изучения уровня психологической устойчивости военнослужащих в условиях негативного информационно-психологического воздействия мы использовали шкалы опросника «Устойчивость к манипуляциям», наиболее полно отража-

ющие данное состояние. Шкала «Принятие решения в стрессовых ситуациях» характеризует военнослужащих, которые смогут принять решение в стрессовых ситуациях, шкала «Помощь в затруднительном положении» помогает использовать свои силы и достоинства для достижения цели в затруднительном положении. Данные по устойчивости курсантов к психологической манипуляции приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение курсантов по уровням устойчивости к манипуляциям

Table 1 – Distribution of cadets by level of resistance to manipulation

Показатели	Уровень устойчивости к манипуляциям		
	Высокий	Средний	Низкий
Уступчивость и компромиссы	6 (29 %)	12 (57 %)	3(14 %)
Принятие обязательств	12 (57 %)	5 (24 %)	4(19 %)
Устойчивость к манипуляциям	9 (43 %)	4(19 %)	7(38 %)
Выполнение трудновыполнимых просьб	15 (71 %)	5(24 %)	1 (5 %)
Интерес и риск	5 (24 %)	14 (67 %)	2 (9 %)
Принятие решений в стрессовых ситуациях	6 (29 %)	12 (57 %)	3(14 %)
Отношения в общении	13(62 %)	3(14 %)	5(24 %)
Помощь в затруднительном положении	10(48 %)	6(29 %)	5(23 %)

Из данных таблицы 1 видно, что 43 % военнослужащих имеют высокий уровень устойчивости по показателям «психологического благополучия», 19 % – средний уровень и 38 % – низкий уровень. Это позволило сделать вывод о неоднородности уровня психологического благополучия военнослужащих – будущих профессиональных военных психологов, призванных распознавать симптомы и противостоять явной и скрытой манипуляции. Хотя почти половина (43 %) респондентов демонстрирует высокий уровень психологической устойчивости и удовлетворённости, значительная доля военнослужащих (38 %) испытывает определённые трудности в этом диагностируемом аспекте. Это может отражать влияние профессиональных стрессов, высокой нагрузки, неблагоприятных условий службы и др. Средний уровень психологического благополучия у 19 % испытуемых указывает

на наличие некоторых эмоциональных либо когнитивных ограничений, которые пока не переходят в стадию выраженных проблем, но требуют внимания, при необходимости – профилактической работы психолога.

Для изучения психологической устойчивости в условиях негативного информационно-психологического воздействия был применен опросник «Устойчивость к манипуляции». Подобное обследование проводилось на гражданских испытуемых – женщин, работающих в Военной академии войск национальной гвардии (в возрастном диапазоне 25–55 лет), дало следующую информацию (Таблица 2).

Был также уточнен уровень информационной безопасности респондентов-курсантов (таблица 3).

Таблица 2 – Распределение по уровням устойчивости к манипуляциям в женской выборке

Table 2 – Distribution by levels of resistance to manipulation in the female sample

Показатели	Уровень устойчивости к манипуляциям		
	Высокий	Средний	Низкий
Уступчивость и компромиссы	20 (84 %)	2 (8 %)	2(8 %)
Принятие обязательств	17 (71 %)	3 (13 %)	4 (16 %)
Устойчивость к манипуляциям	15 (64 %)	6(25 %)	3(11 %)
Выполнение трудновыполнимых просьб	15 (61 %)	5(21 %)	4 (18 %)
Интерес и риск	10 (42 %)	13 (54 %)	1 (4 %)
Принятие решений в стрессовых ситуациях	9(38 %)	13 (54 %)	2(8 %)
Отношения в общении	16 (66 %)	4 (17 %)	4(17 %)
Помощь в затруднительном положении	15(63 %)	5(21 %)	4(16 %)

Таблица 3 – Уровень информационной безопасности (по данным экспертного опроса)

Table 3 – Information Security Level (Based on Expert Survey Data)

Критерии информационной безопасности	Уровень		
	Высокий	Средний	Низкий
Восприятие угрозы	10 (48 %)	8(38 %)	3(14 %)
Эмоциональный уровень	11 (52 %)	10 (48 %)	-
Понимание информационно-психологических угроз	8(38 %)	7 (33 %)	6 (29 %)
Личный опыт	9 (43 %)	5 (24 %)	7 (33 %)
Быстрота распознавания угрозы	9 (43 %)	8 (38 %)	4 (19 %)
Способы распознавания	13 (62 %)	4 (19 %)	4 (19 %)
Целевая аудитория угрозы	10 (48 %)	3 (14 %)	7(38 %)
Формат угрозы	9(43 %)	7(33 %)	5(24 %)
Тип угрозы	11 (52 %)	6(29 %)	4(19 %)

Содержание угрозы	10(48 %)	4(19 %)	7(33 %)
Периодичность поступления угроз	13(62 %)	5(24 %)	3(14 %)
Эмоциональное переживание	8(38 %)	8(38 %)	5(24 %)
Оценка адресация угроз	5(24 %)	7(33 %)	9(43 %)
Оценка случайности угрозы	5(24 %)	10(48 %)	6(28 %)
Степень ущерба	4(19 %)	7(33 %)	10(48 %)

Рассмотрим данные по каждому критерию.

1. Восприятие угрозы. Большинство военнослужащих (86%) оценивают уровень угрозы как высокий или средний, что может свидетельствовать о напряженной обстановке, в которой они находятся. Высокий уровень восприятия угрозы у почти половины опрошенных (48 %) указывает на осознание серьезности ситуации, что может быть связано с боевым опытом, информированностью или личными переживаниями. Низкий уровень восприятия угрозы у небольшой части (14 %) может быть связан с недостатком информации, меньшим вовлечением в непосредственные действия или индивидуальными психологическими особенностями.

2. Эмоциональный уровень. Высокий уровень эмоционального напряжения – 52 %. Более половины военнослужащих испытывают значительное психологическое напряжение. Это может проявляться в форме тревожности, раздражительности, нарушении сна, трудностях концентрации, повышенной утомляемости. Последнее состояние является типичным для старших курсников. Средний уровень эмоционального напряжения – 48 %. Почти половина выборки сохраняет относительно стабильное эмоциональное состояние. Эти военнослужащие могут иметь более высокую психологическую устойчивость, либо быть менее вовлечены в непосредственно опасные или ответственные задачи.

Низкий уровень напряжения – не выявлен. Отсутствие лиц с низким уровнем эмоционального напряжения указывает на то, что все участники исследования находятся под влиянием стрессовых факторов, характерных для текущей ситуации. Тем не менее этот показатель нельзя рассматривать как абсолютно достоверный, поскольку испытуемые-психологи могут давать социально одобряемые ответы, в дальнейшем могут

оказаться менее подготовленными к противостоянию информационно-психологическому деструктивному воздействию.

3. Понимание информационно-психологических угроз. Высокий уровень знаний зафиксирован у 8 военнослужащих (38 %), что свидетельствует о наличии у почти половины выборки осведомленности в вопросах распознавания и противодействия информационным манипуляциям.

Средний уровень знаний зафиксирован у 7 военнослужащих (33 %), что свидетельствует о наличии значительных пробелов в понимании современных методов информационного воздействия и способов противодействия им.

Низкий уровень знаний зафиксирован у 6 военнослужащих (29 %), что показывает нам то, что военнослужащие владеют недостаточной осведомленностью данной группы в вопросах распознавания и противодействия информационным манипуляциям. Военнослужащие с таким уровнем подготовки могут быть особенно уязвимы к дезинформации, пропаганде и другим формам психологического воздействия, что может негативно сказаться на их профессиональной эффективности и психологической устойчивости.

4. Личный опыт. По полученным данным, 9 военнослужащих (43 %) отметили наличие прямого опыта взаимодействия с информационными манипуляциями или психологическим давлением. Вместе с тем 7 военнослужащих (33 %) заявили об отсутствии подобного опыта, что может указывать как на реальное отсутствие воздействия, так и на недостаточную осведомленность о происходящем. Эти данные свидетельствуют о необходимости повышения внимания к вопросам информационной безопасности и психологической устойчивости, особенно среди тех, кто не осознаёт или не замечает проявлений информационно-психологических угроз.

5. Быстрота распознавания угрозы. Исходя из анализа результатов, у большинства военнослужащих (81 %) наблюдается высокая (43 %) либо средняя (38 %) способность к быстрому распознаванию информационно-психологических угроз. Это позволяет предположить, что значительная часть старшекурсников обладает определённым (нормативным) уровнем осведомлённости и навыками анализа эмоциогенной информации, которые могут способствовать эффективному противодействию дезинформации, психологическому давлению и манипуляциям.

Однако наличие показателей, соответствующих рамкам среднего уровня у почти 40 % военнослужащих, указывает на то, что их способность реагировать на угрозы может быть замедленной или недостаточно уверенной в сложных ситуациях. Это говорит о потенциальной уязвимости в условиях интенсивного информационного воздействия, особенно если угрозы носят изощрённый или информационно-технологически замаскированный характер.

6. Способы распознавания. Такое распределение результатов свидетельствует о том, что у большинства респондентов (62 %) сформированы чёткие представления и практические навыки в области распознавания информационно-психологических угроз. Эти военнослужащие, как правило, умеют отличать достоверную информацию от манипулятивной, способны выявлять признаки пропагандистского воздействия и имеют определённый алгоритм поведения при контакте с подозрительным информационным контентом. Такой уровень подготовки является важным показателем психологической устойчивости коллектива и может способствовать сохранению боевого духа, дисциплины и профессиональной эффективности в условиях информационного противодействия.

Однако наличие у части респондентов данных, характерных для среднего уровня (19 % военнослужащих), указывает на то, что даже при наличии базовых знаний эти военнослужащие сталкиваются с трудностями при практическом применении полученной информации. Ещё более тревожным является тот факт, что 19 % участников исследования (практически каждый пятый) вообще не владеют конкретными методами распознавания угроз. У этой группы может наблюдаться как недостаток знаний, так и слабое понимание того, что представляет собой информационно-психологическая атака, какие формы она может принимать и как она влияет на психику человека.

7. Целевая аудитория угрозы. Такое распределение свидетельствует о значительной неоднородности уровня понимания адресации информационной агрессии в среде курсантов – будущих военных психологов. Почти половина испытуемых (48 %) обладает чёткими представлениями о том, кто может быть объектом информационно-психологического влияния – будь то отдельные личности, подразделения, командование или общественное мнение в целом. Это говорит о наличии у них признаков системного подхода к восприятию информационной угрозы и пониманию её стратегической направленности. Однако более трети респондентов (38 %) не имеют достаточных знаний о характере целевых аудиторий, что может снижать их способность прогнозировать возможные каналы информационного воздействия (да и собственно предмет) и реагировать на них адекватно. Также 14 % участников опросов имеют лишь общее представление о данном вопросе, что указывает на наличие пробелов в понимании механизма выбора целей информационного влияния.

8. Формат угрозы. Такое распределение демонстрирует, что у почти половины участников (43 %) сформировано ясное понимание разнообразия форм информационно-психологического воздействия – от дезинформации и фейковых новостей до пропагандистских материалов и манипуляций в социальных сетях. Это позволяет им быть более внимательными к различным каналам информации и потенциально повышает уровень их психологической устойчивости. У 33 % опрошенных знания носят общий характер, что может затруднять их реакцию в реальной ситуации информационного давления. Но каждый четвертый участник (24 %) практически не владеет информацией о том, какие формы могут принимать такие угрозы, что делает его особенно уязвимым к скрытым методам влияния.

9. Тип угрозы. У более половины военнослужащих (52 %) сформировано адекватное представление о различных типах информационно-психологических угроз, таких как дезинформация, пропаганда, психологическое давление, манипуляции общественным мнением и др. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне информационной грамотности и готовности к осмысленному противодействию информационным атакам. Тревожит то, что есть либо неполное понимание типологии угроз (29 %), либо полное отсутствие их понимания (19 %). Военнослужащие со средним уровнем выраженности этого показателя могут испытывать трудности при классификации конкретных угроз или вы-

боре соответствующей реакции на них. А группа с низким уровнем данного показателя находится в зоне повышенного риска – отсутствие знаний о типах угроз может привести к неосознанному восприятию информационного воздействия и снижению общей психологической устойчивости.

10. Содержание угрозы. Отмеченное распределение свидетельствует о том, что почти половина военнослужащих (48 %) обладает достаточными знаниями для адекватного анализа содержания информационно-психологических угроз. Эти испытуемые уже способны распознавать цели манипуляций, отличать достоверную информацию от дезинформации и понимают, как тот или иной контент может влиять на эмоциональное состояние и поведение личности или малой группы. Однако более трети испытуемых (33 %) имеют низкий уровень понимания содержания угроз, что указывает на серьёзные пробелы в осведомлённости. У этой группы могут наблюдаться трудности с интерпретацией скрытых смыслов, намёков и целенаправленного влияния, оказываемого через текстовые, графические или видеоматериалы. Это делает их особенно уязвимыми к психологическому воздействию, пропаганде и манипуляциям. Кроме того, 19 % военнослужащих имеют лишь общее представление о содержании угроз, что может быть недостаточно для эффективного противостояния сложным формам информационного давления.

11. Периодичность поступления угроз. Анализ результатов диагностики свидетельствует о достаточно высоком уровне осведомлённости большинства участников (62 %) и понимании ими, что информационно-психологические угрозы – это не разовый фактор, а систематическое и часто скрытое воздействие, направленное на изменение восприятия, эмоционального состояния и поведения. Такая категория военнослужащих способна адекватно оценивать информационную обстановку и прогнозировать возможные риски. Однако почти треть курсантов (24 %) имеет лишь поверхностное представление о характере периодичности угроз, что может затруднять их способность к предупреждению и оперативному реагированию. Что касается группы с низким уровнем (14 %), то эти испытуемые находятся в зоне наибольшего риска – они либо недооценивают интенсивность информационного давления, либо вообще не задумываются о его постоянстве, что делает их особенно уязвимыми к манипуляциям.

12. Эмоциональное переживание. Исходя из данных, можно отметить, что более чем у трети военнослужащих (по 38 % в

каждой группе) информация, содержащая элементы информационно-психологического воздействия, способна вызывать заметную эмоциональную реакцию. Это может быть оценено в качестве положительного фактора (повышение внимательности и бдительности), так и фактом отрицательным – в случае чрезмерного стресса, снижения концентрации или ухудшения психологического состояния. С другой стороны, у испытуемых (24 %) наблюдается слабовыраженная эмоциональная реакция на подобные сообщения, что может свидетельствовать как о высоком уровне психологической устойчивости, так и о недостаточном понимании серьёзности угрозы и её целей. Это требует довольно продолжительного исследования, включая анализ конкретных ситуаций.

13. Оценка адресации угроз. Почти половина опрошенных (43 %) вообще не умеют или не пытаются определить, является ли воспринимаемая информация целенаправленным воздействием на них персонально или их коллектив. Это делает эту категорию военнослужащих уязвимыми к персонализированному информационному влиянию, включая манипуляции, дестабилизирующую пропаганду и психологическое давление. Менее половины военнослужащих (33 %) обладают частичными навыками распознавания адресных угроз, однако их уверенность в правильности оценки остаётся недостаточной. Лишь каждый четвертый (24 %) обладает чёткими представлениями о том, как отличить общее информационное воздействие от личной или групповой атаки.

14. Степень ущерба. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что у большинства испытуемых (48 %) недостаточно сформировано представление о масштабе и опасности последствий информационно-психологического воздействия. Это достаточно тревожный симптом, поскольку недооценка рисков может привести к снижению бдительности, повышению уязвимости к манипуляциям и, как следствие, к дестабилизации психологического состояния, снижению боевого духа и нарушению дисциплины. Менее половины опрошенных (33 %) продемонстрировали, что их знания о возможном ущербе являются общими и недостаточно структурированными – они понимают, что угрозы могут быть серьёзными, но не способны чётко определить или предвидеть их влияние. Лишь небольшая часть (19 %) обладает глубоким пониманием потенциального вреда, который могут нанести информационно-психологические атаки.

Для определения взаимосвязей диагностируемых характеристик был проведен

корреляционный анализ. Полученные взаимосвязи представлены в виде корреляционных плеяд на рисунке 1, где представлен фрагмент корреляционной плеяды, основ-

ными показателями которой являются устойчивости к манипуляции и способность к распознаванию угроз.

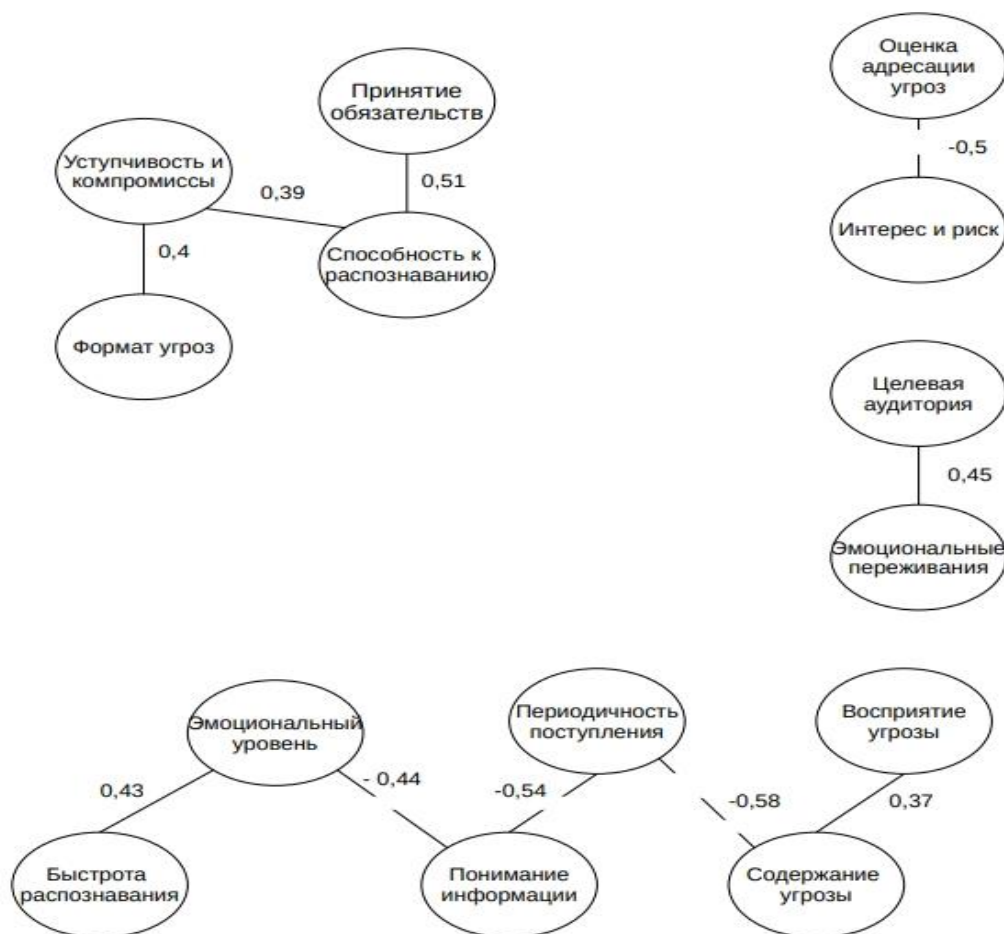

Рисунок 1 – Фрагмент взаимосвязей показателей устойчивости к манипуляции

Figure 1 – Fragment of the relationships between indicators of resistance to manipulation

Можно отметить следующее. Принятие обязательств и способность к распознаванию угроз обратно пропорциональны ($r=0,51$).

Обратная связь обнаружена в отношении эмоционального уровня и понимание информации ($r=-0,44$), периодичности поступления и содержания угрозы ($r=-0,58$), интерес, риск и оценка адресации угроз ($r=-0,5$). Анализ показывает, что личностные особенности и эмоциональное состояние оказывают существенное влияние на восприятие угроз и принятие решений. Склонность к обязательности, высокая эмоциональность, частота сообщений об угрозах и индивидуальная склонность к риску снижают способность человека адекватно оценивать ситуацию и реагировать на потенциальные опасности. Это подчеркивает

важность учета психологических факторов при разработке систем предупреждения, коммуникации рисков и принятия решений в условиях угроз.

Уступчивость и склонность к компромиссам способствуют распознаванию угроз ($r=0,39$) и определению формата угроз ($r=0,4$), что достаточно естественно. Если человек уступчив и ищет компромиссы, то обычно стремится овладеть новыми навыками, возможностями и качествами, а также способен контролировать общую ситуацию и выявлять психологическое воздействие. Для определения взаимосвязей диагностируемых характеристик был проведен корреляционный анализ. Полученные взаимосвязи представлены в виде корреляционных плеяд на рисунке 2.

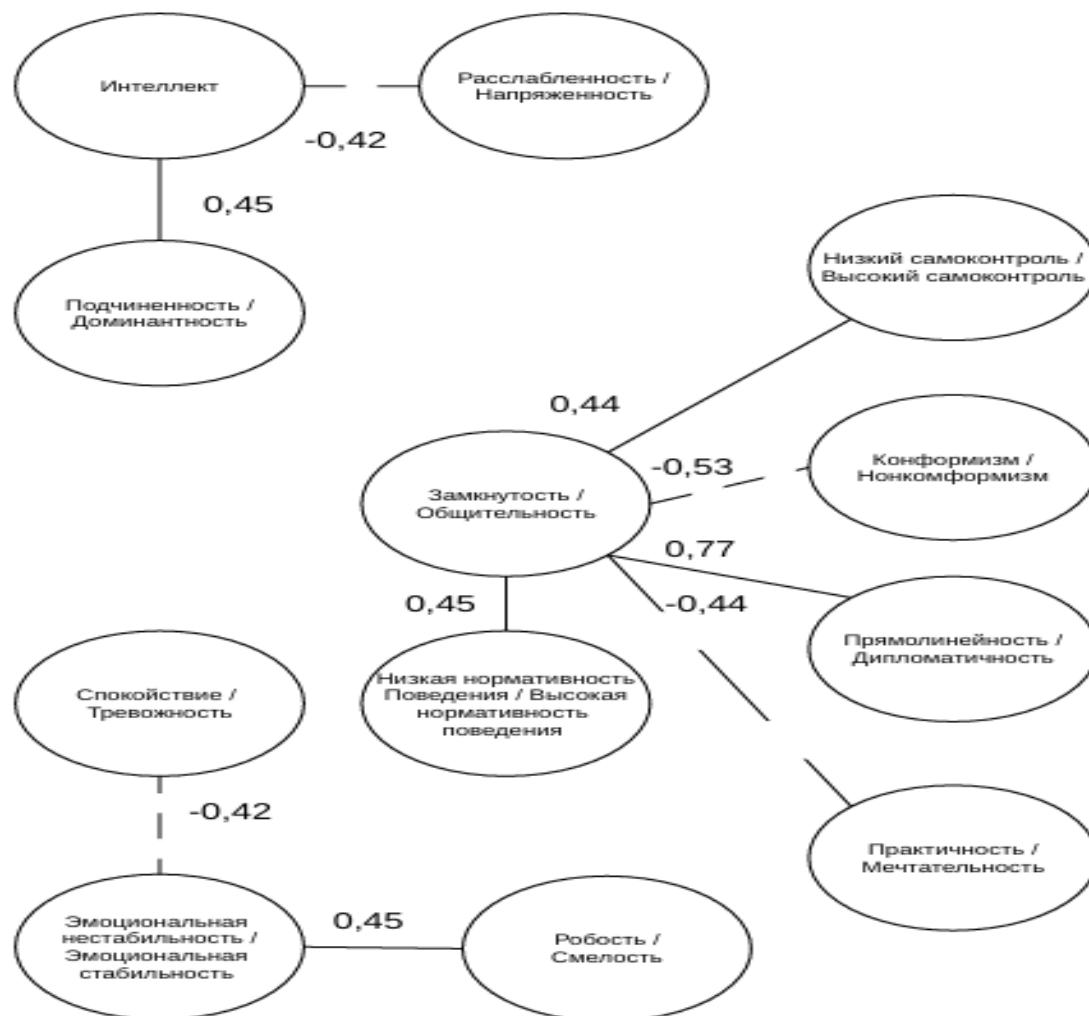

Рисунок 2 – Фрагмент взаимосвязей зависимости показателей курсантов

Figure 2 – Fragment of the interconnections between the indicators of cadets

На рисунке представлен фрагмент корреляционной плеяды, основными показателями которой являются замкнутость и общительность и интеллект.

Как отражено на рисунке, замкнутость, общительность и интеллект есть ведущие показатели. Так, интеллект отрицательно коррелирует с расслабленностью / напряженностью ($r = -0,42$). Это свидетельствует о том, что чем выше интеллект, тем меньше вероятность проявления расслабленности или напряженности. Также интеллект положительно коррелирует с подчиненностью / доминантностью ($r = 0,45$): человек с высоким интеллектом может быть более склонен к подчинению или доминированию, что и может привести к воздействию на курсанта.

Замкнутость отрицательно коррелирует с низким самоконтролем и высоким са-

моконтролем ($r = -0,53$), то есть чем больше человек демонстрирует замкнутость или общительность, тем ниже вероятность низкого самоконтроля. Положительная корреляция с прямолинейностью и дипломатичностью ($r = 0,77$) показывает, что замкнутые или общительные личности могут быть более прямолинейными или дипломатичными. Также замкнутость и общительность положительно коррелируют со спокойствием и тревожностью ($r = 0,45$).

Заключение

Анализ результатов исследования соотношения устойчивости к манипуляции у курсантов старших курсов Военной академии войск национальной гвардии позволил получить значимые данные, подтверждающие тесную взаимосвязь общего уровня подготовки и психологической устойчивости к информационно-

психологическим угрозам у будущих офицеров Росгвардии.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи между личностными характеристиками, эмоциональным состоянием и способностью военнослужащих распознавать угрозы и противостоять психологическому воздействию. Полученные данные дают возможность учитывать роль факторов, влияющих на принятие решений и эффективность профессиональной деятельности в условиях потенциальной угрозы.

Способность к распознаванию угроз находится в тесной взаимосвязи с такими

личностными чертами, как устойчивость к манипуляциям, склонность к компромиссам, уровень интеллекта, а также эмоциональное состояние и степень самоконтроля. Было установлено, что повышенная эмоциональность ($r=-0,44$), частота сообщений об угрозах ($r=-0,58$) и индивидуальная склонность к риску ($r=-0,5$) негативно влияют на восприятие информации и оценку реальных угроз. Эти факторы могут снижать объективность восприятия и увеличивать вероятность ошибочных действий в критических ситуациях.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 312 с.
2. Баранов В. А. Информационная безопасность личности: правовые и социальные аспекты // Право и безопасность. 2018. № 2. С. 45–52.
3. Григорьев Д. А. Цифровая гигиена как компонент профессиональной надёжности курсантов // Акмеология. 2021. № 4. С. 72–79.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. 3-е изд. М. : Речь, 2003. 304 с.
5. Журавлёв А. Л. Психология безопасности: учебное пособие. М. : Институт психологии РАН, 2019. 216 с.
6. Караяни А. Г. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnopsihologicheskoe-vozddeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (дата обращения: 11.07.2025).
7. Карпов А.А. Современная организационная психология: учебное пособие. М. : Изд-во МПСУ; Ярославль: Филлигрань, 2019. 256 с.
8. Крылова А. А. Когнитивные стратегии распознавания дезинформации у курсантов военных вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 112–120.
9. Лебедев С. А. Основы информационной безопасности: учебное пособие. М. : Академия, 2019. 256 с.
10. Лукашевич Н. В. Психология информационной безопасности: учебное пособие. СПб. : СПбГУ МВД России, 2022. 192 с.
11. Малюта В. И. Анализ основных понятий, характеризующих психолого-педагогические условия обеспечения устойчивости личности курсантов к информационно-психологическим угрозам // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3 (32). С. 154–162. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/015.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).
12. Медведев А. А. Нарушение эмоциональной регуляции поведения как условие агрессивного психологического воздействия / А. А. Медведев, А. С. Турчин // Военная психология – созидательный ресурс для России (к 70-летию академика военных наук А. Г. Караяни). Санкт-Петербург, 21 мая 2025 года. СПб., 2025. С. 21–25.
13. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
15. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 12 августа 2021 г. № 375 «Об утверждении Порядка работы со служебной информацией» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2025).
16. Попов И. К. Цифровая дисциплина как элемент профессиональной культуры курсанта // Психология обучения. 2023. № 3. С. 67–75.

17. Слугин В. И. Проблемы обеспечения информационной безопасности в системе военного образования // Военное образование. 2021. № 3. С. 34–41.
18. Смирнова Е. А. Психологические основы информационной безопасности личности в условиях цифровой трансформации // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 3. С. 102–110.
19. Старовойтова Е. Б. Личностные детерминанты устойчивости к информационно-психологическим воздействиям у курсантов военных вузов // Психологические науки. 2022. № 2. С. 88–96.
20. Фомин В. В. Информационная безопасность личности в условиях цифровой трансформации военного образования // Военное образование. 2023. № 2. С. 44–51.
21. Шевцова А. Р. Социальные сети как фактор риска информационной безопасности военнослужащих // Военное образование. 2022. № 4. С. 52–59.
22. Шунейко А. А. Информационная безопасность человека: учебное пособие для вузов / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. М. : Владос, 2018. 166 с.
23. Aiken M. The Cyber Effect: Understanding Human Behavior in the Digital Age. Updated ed. New York: Spiegel & Grau, 2022. 336 p.
24. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1968. 320 p.

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni. M. : Mysl', 1991. 312 s. (In Russ.).
2. Baranov V. A. Informacionnaya bezopasnost' lichnosti: pravovye i social'nye aspekty // Pravo i bezopasnost'. 2018;2: 45–52. (In Russ.).
3. Grigor'ev D. A. Cifrovaya gigiena kak komponent professional'noj nadyozhnosti kursantov // Akmeologiya. 2021;4: 72–79. (In Russ.).
4. Docenko E.L. Psihologiya manipulyacii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. 3-e izd. M. : Rech', 2003. 304 s. (In Russ.).
5. Zhuravlyov A. L. Psihologiya bezopasnosti: uchebnoe posobie. M. : Institut psihologii RAN, 2019. 216 s. (In Russ.).
6. Karayani A. G. Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v kontekste paradigmy strategicheskikh kommunikacij / A. G. Karayani, YU. M. Karayani // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2021. № 1 (41). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnopsihologicheskoe-vozdeystvie-v-kontekste-paradigmy-strategicheskikh-kommunikatsiy> (data obrashcheniya: 11.07.2025). (In Russ.).
7. Karpov A.A. Sovremennaya organizacionnaya psihologiya: uchebnoe posobie. M. : Izd-vo MPSU; YAroslavl': Filigran', 2019. 256 s. (In Russ.).
8. Krylova A. A. Kognitivnye strategii raspoznavaniya dezinformacii u kursantov voennyh vuzov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. 2022. T. 12;3: 112–120. (In Russ.).
9. Lebedev S. A. Osnovy informacionnoj bezopasnosti: uchebnoe posobie. M. : Akademiya, 2019. 256 s. (In Russ.).
10. Lukashevich N. V. Psihologiya informacionnoj bezopasnosti: uchebnoe posobie. SPb. : SPbGU MVD Rossii, 2022. 192 s. (In Russ.).
11. Malyuta V. I. Analiz osnovnyh ponyatij, harakterizuyushchih psihologo-pedagogicheskie usloviya obespecheniya ustojchivosti lichnosti kursantov k informacionno-psihologicheskim ugrozam // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;3 (32): 154–162. Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/09/015.pdf> (data obrashcheniya: 11.07.2025). (In Russ.).
12. Medvedev A. A. Narushenie emocional'noj regulyacii povedeniya kak uslovie agressivnogo psihologicheskogo vozdejstviya / A. A. Medvedev, A. S. Turchin // Voennaya psihologiya – sozidatel'nyj resurs dlya Rossii (k 70-letiyu akademika voennyh nauk A. G. Karayani). Sankt-Peterburg, 21 maya 2025 goda. SPb., 2025. S. 21–25. (In Russ.).
13. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2010 g. № 390-FZ «O bezopasnosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 1. St. 2. (In Russ.).
14. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 31 (CH. 1). St. 3451. (In Russ.).
15. Prikaz Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii ot 12 avgusta 2021 g. № 375 «Ob utverzhdenii Poryadka raboty so sluzhebnoj informaciej» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 07.11.2025). (In Russ.).
16. Popov I. K. Cifrovaya disciplina kak element professional'noj kul'tury kursanta // Psihologiya obucheniya. 2023;3: 67–75. (In Russ.).
17. Slugin V. I. Problemy obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v sisteme voennogo obrazovaniya // Voennoe obrazovanie. 2021;3: 34–41. (In Russ.).

18. Smirnova E. A. Psihologicheskie osnovy informacionnoj bezopasnosti lichnosti v usloviyah cifrovoj transformacii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2021. T. 26;3: 102–110. (In Russ.).
19. Starovojtova E. B. Lichnostnye determinanty ustojchivosti k informacionno-psihologicheskim vozdeystviyam u kursantov voennyh vuzov // Psihologicheskie nauki. 2022;2: 88–96. (In Russ.).
20. Fomin V. V. Informacionnaya bezopasnost' lichnosti v usloviyah cifrovoj transformacii voennogo obrazovaniya // Voennoe obrazovanie. 2023;2: 44–51. (In Russ.).
21. Shevcova A. R. Social'nye seti kak faktor riska informacionnoj bezopasnosti voennosluzhashchih // Voennoe obrazovanie. 2022;4: 52–59. (In Russ.).
22. SHunejko A. A. Informacionnaya bezopasnost' cheloveka: uchebnoe posobie dlya vuzov / A. A. SHunejko, I. A. Avdeenko. M. : Vlados, 2018. 166 s. (In Russ.).
23. Aiken M. The Cyber Effect: Understanding Human Behavior in the Digital Age. Updated ed. New York: Spiegel & Grau, 2022. 336 p.
24. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1968. 320 p.

Информация об авторах

Information about the authors

А. С. Турчин – доктор психологических наук, профессор

A. S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.